2 × 2 = 4½

У арабов, как ты знаешь, мой друг, и всё бывает арабское. В арабской Государственной Думе, — она зовётся у них Дум-Дум, — решили начать, наконец, издавать законы.

Вернувшись с мест, из своих становищ, избранные арабы поделились впечатлениями. Один араб сказал:

— Кажется, население нами не особенно довольно. Мне один на это намекнул. Назвал нас лодырями.

Другие согласились.

— И мне приходилось слышать намёки. Нас зовут дармоедами.

— Меня назвали бездельником.

— А в меня запалили камнем.

И решили приняться за законы.

— Надо издать сразу такой закон, чтоб истина его бросалась всем в глаза.

— И чтоб он не возбуждал никаких споров.

— Чтоб все были с ним согласны.

— И чтоб никому он не приносил убытка.

— Он будет мудр и всем мил!

Избранные арабы подумали и придумали:

— Издадим закон, что дважды два четыре.

— Истина!

— И никому необидно.

Кто-то возразил:

— Но это и без того все знают.

Ему резонно ответили:

— Все знают, что красть нельзя. Однако в законе об этом говорится.

И арабские избранники, собравшись в торжественное собрание, постановили:

— Объявляется законом, незнанием которого никто отговариваться не может, что всегда и при всех обстоятельствах дважды два будет четыре.

Узнав об этом, визири, — так, мой друг, называют арабских министров, — очень обеспокоились. И пошли к великому визирю, который был так же мудр, как сед.

Поклонились и сказали:

— Слышал ли ты, что дети несчастия, избранные арабы, начали издавать законы?

Великий визирь погладил седенькую бородку и сказал:

— Я остаюсь.

— Что они издали уже закон: дважды два четыре?

Великий визирь ответил:

— Я остаюсь.

— Да, но они дойдут аллах знает до чего. Издадут закон, чтоб днём было светло, а ночью темно. Чтоб вода была мокрая, а песок сухой. И жители будут уверены, что днём светло не потому, что светит солнце, а потому, что так постановили дети несчастия, избранные арабы. И что вода мокрая, а песок сухой не потому, что так создал аллах, а потому, что так постановили они. Люди уверуют в мудрость и всемогущество избранных арабов. А они подумают о себе аллах знает что!

Великий визирь спокойно сказал:

— Я слышу всё это и остаюсь.

И добавил:

— Будет ли Дум-Дум издавать законы или не будет, — я остаюсь. Будет она существовать, — я остаюсь, и не будет, — я тоже остаюсь. Будет дважды два четыре, или один, или сто, — я, всё равно и что бы ни случилось, остаюсь, остаюсь и остаюсь, пока аллаху угодно, чтоб я оставался.

Так говорила его мудрость.

Мудрость одета в спокойствие, как мулла — в белую чалму. А взволнованные визири отправились в собрание шейхов… Это нечто вроде их

Государственного Совета, мой друг. Отправились в собрание шейхов и сказали:

— Этого так оставить нельзя. Нельзя, чтоб избранные арабы забирали такую силу в стране. И вы должны принять меры.

И собралось великое совещание шейхов, с участием визирей. Первый среди шейхов, их председатель, встал, от важности никому не поклонился и сказал:

— Славные и мудрые шейхи. Дети несчастия, избранные арабы, поступили так, как самые искусные заговорщики, самые злостные возмутители, величайшие разбойники и гнуснейшие мошенники: объявили, что дважды два четыре. Так самое истину они заставили служить их гнусным целям. Их расчёт понятен нашей мудрости. Они хотят приучить глупое население к мысли, что их устами говорит сама истина. И потом, какой бы закон они ни издали, глупое население будет всё считать за истину: «ведь, это постановили избранные арабы, которые сказали, что дважды два четыре». Чтоб сокрушить этот злодейский замысел и отбить у них охоту законодательствовать, мы должны отменить их закон. Но как это сделать, когда дважды два, действительно, четыре?!

Шейхи молчали, уставив свои бороды, и, наконец, обратились к старому шейху, бывшему великому визирю, мудрецу, — и сказали:

— Ты — отец несчастия.

Так, мой друг, у арабов называется конституция.

— Врач, который сделал разрез, должен уметь его и излечить. Пусть же твоя мудрость разверзнет свои уста. Ты ведал казною, составлял росписи доходов и расходов, всю жизнь прожил среди цифр. Скажи нам, — нет ли какого-нибудь выхода из безвыходного положения. Действительно ли дважды два всегда бывает четыре?

Мудрец, бывший великий визирь, отец несчастия, встал, поклонился и сказал:

— Я знал, что вы меня спросите. Потому что, хотя и зовут меня отцом несчастия, при всей нелюбви ко мне, меня в трудные минуты всегда спрашивают. Так человек, который рвёт зубы, никому не доставляет удовольствия. Но когда от зубной боли ничто не помогает, за ним посылают. По дороге с тёплого берега, где я жил, созерцая, как солнце пурпурное погружается в море лазурное, полосами его золотя, я вспоминал все отчёты и росписи, которые я составлял, и нашёл, что дважды два может быть всё, что угодно. Глядя по надобности. И четыре, и больше, и меньше. Были отчёты и

росписи, где дважды два бывало пятнадцать, но были, где дважды два было три. Глядя по тому, что нужно было доказать. Реже всего дважды два было четыре. Я, по крайней мере, такого случая у себя не припомню. Так говорит опыт жизни, отец мудрости.

Слушая его, визири пришли в восхищение, а шейхи в отчаяние и спросили:

— Да что же такое, наконец, арифметика? Наука или искусство?

Старый шейх, бывший великий визирь, отец несчастия, подумал, сконфузился и сказал:

— Искусство!

Тогда шейхи в отчаянии обратились к визирю, ведавшему учёностью в стране, и спросили:

— По своей должности ты непрерывно имеешь дело с учёными. Скажи нам, визирь, что говорят они?

Визирь встал, поклонился, улыбнулся и сказал:

— Они говорят: «Чего изволите». Зная, что меня не минует ваш вопрос, я обратился к тем учёным, которые у меня остались, и спросил их: «Сколько будет дважды два?» Они поклонились и ответили: «Сколько прикажете». Так, сколько я их ни спрашивал, я не мог добиться другого ответа, кроме: «как изволите» и «как прикажете». Арифметика в моих школах заменена послушанием, так же как и другие предметы.

Шейхи впали в глубокое горе. И воскликнули:

— Это делает честь, о визирь, заведующий учёностью, и тем учёным, которые у тебя остались, и твоему уменью выбирать. Быть может, такие учёные и выведут юношество на должную дорогу, — но нас они не выводят из затруднения.

И шейхи обратились к шейх-уль-исламу.

— По обязанностям своим ты всё время имеешь дело с муллами и близок к божественным истинам. Скажи нам ты истину. Дважды два всегда четыре?

Шейх-уль-ислам встал, поклонился на все стороны и сказал:

— Почтенные, знатнейшие шейхи, у которых мудрость прикрыта сединами, как покойник серебряным покровом. Век живи — век учись. Жили в городе Багдаде два брата. Люди богобоязненные, но люди. И имели они по

наложнице. В один и тот же день братья, во всём поступавшие согласно друг с другом, взяли себе наложниц, и в тот же день наложницы от них зачали. И когда приблизилось время родов, братья сказали себе: «Хотим мы, чтоб дети наши родились не от наложниц, а от законных наших жён». И позвали муллу, чтоб он благословил их два брака. Мулла возрадовался в сердце своём такому благочестивому решению братьев, благословил их и сказал: «Венчаю два ваших союза. Вот теперь будет одна семья из четырёх человек». Но в ту минуту, как он это говорил, обе новобрачные разрешились от бремени. И дважды два стало шесть. Семья стала состоять из шести человек. Вот что случилось в городе Багдаде, и что знаю я. А аллах знает больше меня.

Шейхи с восторгом выслушали этот случай из жизни, и визирь, ведающий торговлю страны, поднялся и сказал:

— Не всегда, однако, дважды два бывает и шесть. Вот что произошло в славном городе Дамаске. Один человек, предвидя надобность в мелкой монете, пошёл к разбойнику…

У арабов, мой друг, нет ещё слова «банкир». И они по-старому говорят просто «разбойник».

— Пошёл, говорю я, к разбойнику и разменял у него два золотых на серебряные пиастры. Разбойник взял за промен и дал человеку серебра на полтора золотых. Но случилось не так, как предполагал человек, и надобности в мелкой серебряной монете ему не представилось. Тогда он пошёл к другому разбойнику и попросил его обменить серебро на золото. Второй разбойник взял столько же за промен и дал человеку один золотой. Так дважды разменянные два золотых превратились в один. И дважды два оказалось один. Вот что случилось в Дамаске и случается, шейхи, везде.

Шейхи, слушая это, пришли в неописанный восторг:

— Вот чему учит жизнь. Настоящая жизнь. А не какие-то там избранные арабы, дети несчастия.

Они подумали и решили:

— Избранные арабы сказали, будто дважды два четыре. Но жизнь их опровергает. Нельзя издавать нежизненных законов. Шейх-уль-ислам говорит, что дважды два бывает шесть, а визирь, ведающий торговлю, указал, что дважды два бывает и один. Чтоб сохранить полную самостоятельность, собрание шейхов постановляет, что дважды два пять.

И они утвердили закон, постановленный избранными арабами.

— Пусть не говорят, будто мы их законов не утверждаем. И изменили только одно слово. Вместо «четыре» поставили «пять».

Закон читался так:

— Объявляется законом, незнанием которого никто отговариваться не может, что всегда и при всех обстоятельствах дважды два будет пять.

Дело поступило в согласительную комиссию. Везде, мой друг, где есть «несчастие», есть согласительные комиссии.

Там возник жестокий спор. Представители совета шейхов говорили:

— Как вам не стыдно спорить из-за одного слова? Во всём законе вам изменили только одно слово, и вы поднимаете такой шум. Стыдитесь!

А представители избранных арабов говорили:

— Мы не можем вернуться без победы к нашим арабам!

Долго спорили.

И, наконец, представители избранных арабов решительно объявили:

— Или вы уступите, или мы уйдём!

Представители совета шейхов посоветовались между собою и сказали:

— Хорошо. Мы сделаем вам уступку. Вы говорите четыре, мы говорим пять. Пусть будет ни для кого не обидно. Ни по-вашему, ни по-нашему. Уступаем половину. Пусть дважды два будет четыре с половиной.

Представители избранных арабов посоветовались между собою:

— Всё-таки лучше какой-нибудь закон, чем никакого.

— Всё-таки мы заставили их пойти на уступку.

— А больше не добьёшься.

И объявили:

— Хорошо. Согласны.

И согласительная комиссия от избранных арабов и совета шейхов объявила:

— Объявляется законом, незнанием которого никто отговариваться не может, что всегда и при всех обстоятельствах дважды два будет четыре с половиной.

Об этом было возвещено чрез глашатаев на всех базарах. И все были в восторге.

В восторге были визири:

— Дали урок избранным арабам, чтоб даже дважды два четыре провозглашали с оглядкой.

В восторге были шейхи:

— Не по-ихнему вышло!

В восторге были избранные арабы:

— Всё-таки совет шейхов принудили пойти на уступки.

Все поздравляли себя с победой.

А страна?

Страна была в величайшем восторге. Даже куры, — и те весело проводили своё время. Такие-то бывают, мой друг, на свете арабские сказки.